

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Тушев Андрей Николаевич

**Лев Толстой и модернисты в историко-культурном контексте
1900-х годов: контакты, мировосприятие, взаимная рецепция**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ)

Научный руководитель:

Бушканец Лия Ефимовна

д.ф.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений ФГАОУ ВО Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ)

Официальные оппоненты:

Михайлова Мария Викторовна

д.ф.н., профессор, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Михновец Надежда Геннадьевна

д.ф.н., доцент, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Строганов Михаил Викторович

д.ф.н., профессор, профессор кафедры общего и славянского искусствознания ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»

Защита диссертации состоится «13» мая 2021 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-ый учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/358737239/>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Мировоззрение, общественная позиция и творчество Толстого 1900-х годов хорошо изучены. Однако зачастую они рассматриваются как «продолжение» и «завершение» литературы XIX века. Являвшийся для современников воплощением классической традиции, Толстой сталкивался в одном литературном и идеологическом поле с авторами, несущими новые идеи, в глазах читателей часто не имеющими опоры на наследие предшественников и потому радикальными и чуждыми для большинства.

Однако поздний Толстой и деятели Серебряного века принадлежали к одной эпохе; их идеи формировались, а художественное творчество и публицистика развивались в общем политическом, социальном, интеллектуальном контексте 1900-х годов. Ситуация одновременного присутствия в литературе и общественной мысли Толстого и модернистов требует рассмотрения их творчества и мировосприятия как части единого социально-общественного, историко-литературного и культурного контекста.

Объектом исследования является художественное, философское, публицистическое, эпистолярное наследие Л.Н. Толстого и литераторов-модернистов. Особое внимание уделяется текстам, содержащим их взаимную рецепцию. Важным для исследования был также широкий круг газетных и журнальных публикаций, в которых современники осваивали одновременное «присутствие» в культуре двух столь различных явлений.

Предметом исследования являются взаимоотношения Толстого и литераторов модернистского круга, их воззрения на одни и те же волнующие эпоху вопросы, их биографические и творческие контакты, а также их литературная репутация в глазах широкой публики, когда читатель постоянно соотносил между собой эти два литературных явления.

Степень изученности вопроса. Исследований, посвящённых заявленной проблеме, немного, и большая их часть (особенно написанных в советские годы) создана с «точки зрения Толстого», т.е. в них Лев Толстой как положительное

явление в литературе и культуре противопоставлен модернистам как явлению негативному. Проблема была поставлена в статье Б. Горнунга «Л.Н. Толстой и традиции “нового искусства”»¹. Однако в этой работе рассматривается только точка зрения самого Толстого, без учета его восприятия авторами модернистского круга. Изучение вопроса о взаимоотношениях Толстого и Леонида Андреева, начатое В.И. Беззубовым², не получило развития в дальнейших исследованиях. Ситуация изменилась в 2000-е годы, однако и в работах этих лет доминирует, хотя и обратная, но односторонняя позиция. Восприятию Толстого в критических работах модернистов посвящены диссертационное исследование В.А. Паршутиной «Символистская и религиозно-философская критика конца XIX – начала XX вв. о Л.Н. Толстом»³, статьи Н.А. Богомолова «Другой Толстой. Писатель глазами русских символистов»⁴, В.Н. Крылова⁵ и др. Взгляд на позднего Толстого как на модерниста предложила О.Б. Матич⁶, правда, в своей работе она не затрагивала вопросы, касающиеся собственно литературного процесса начала XX века.

Таким образом, изучение творчества Толстого и модернистов как составляющих единого культурного и литературного процесса эпохи не оказывалось центром научного исследования. Отсутствие подобных работ и определило **научную новизну** исследования.

Актуальность исследования определяется комплексным освещением общественно-политических, социально-культурных, философских и эстетических аспектов мировоззрения Толстого и модернистов, их личностных и творческих

¹ Горнунг Б. Л.Н. Толстой и традиции «нового искусства» // Эстетика Льва Толстого: Сб. ст. / Под ред. П.Н. Сакулина. М.: Гос. акад. худож. наук, 1929. С. 93-121.

² Беззубов В.И. Лев Толстой и Леонид Андреев // Ученые записки Тартуского государственного университета. Т. 104. Труды по русской и славянской филологии. Вып. IV. Тарту, 1961. С. 130-172.

³ Паршутина В.А. Символистская и религиозно-философская критика конца XIX – начала XX вв. о Л.Н. Толстом: Дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003.

⁴ Богомолов Н.А. Другой Толстой. Писатель глазами русских символистов // Toronto Slavic Quarterly. 2012. Vol. 40. С. 7-22.

⁵ Крылов В.Н. Из истории восприятия творчества Л.Н. Толстого в модернистских кругах начала XX века (П. Перцов, В. Кигн) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017, №2-1 (68). С. 33-35; Крылов В.Н. Рецепция критики и публицистики Д.С. Мережковского в пародиях начала XX века // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. С. 52-371; Крылов В.Н. Лев Толстой и символисты (Лев Толстой под лорнетом З. Гиппиус) // Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л.Е. Бушканец. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 105-125.

⁶ Матич О.Б. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: НЛЮ, 2008.

контактов, а также восприятия их творчества публикой как составляющих литературного процесса эпохи. Подобный исследовательский угол зрения открывает перспективу дальнейшего изучения поставленной проблемы.

Материал исследования. В нашем анализе мы используем источники, которые можно разделить на четыре категории.

Первый круг источников составили дневники, мемуары и письма самого Толстого, а также людей из его ближайшего окружения – в первую очередь, Д.П. Маковицкого, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера. Специфика материалов этой категории состоит в том, что находящиеся «вблизи Толстого» зачастую были склонны смотреть на то или иное явление или человека «взглядом» Толстого, давать оценку и занимать позицию, максимально близкую тому, что мог бы сказать или подумать Толстой.

Второй круг источников – дневники, мемуары и эпистолярное наследие самих модернистов. В них представлена противоположная точка зрения. В своих дневниковых или мемуарных отчетах об общении с Толстым многие преувеличивали степень своей близости с писателем, приписывали Толстому завышенную оценку их творчества и произведенное на него положительное впечатление.

Третий круг источников представляет собой публицистику Толстого и модернистов. В них наиболее ярко отразились взгляды на проблемы, являвшиеся центральными для эпохи. И Толстой, и представители новых течений в искусстве активно высказывались как по поводу происходящих в стране событий, так и состояния человечества в целом. Анализ источников этого типа позволяет увидеть точки сближения и расхождения между Толстым и модернистами.

Четвертый круг источников – литературная критика и публицистика начала XX века. Анализ этого типа источников позволяет понять, как публика воспринимала Толстого и модернистов. Без учета мнения современников невозможно уяснить, кем являлся для читателей рубежа веков Толстой, какую реакцию вызывали у них авторы-модернисты, чем было обусловлено их появление в литературе.

Наконец, пятый круг источников – художественные тексты Толстого и модернистов. В анализе их взаимоотношений невозможно обойтись без рассмотрения их художественного наследия. Многие литераторы-модернисты находились под сильным влиянием Толстого, но в то же время пытались ему противостоять. Также и Толстой, пристально интересуясь творчеством младших современников, пытается увидеть близких себе по духу людей, но вместе с тем безжалостно их критикует, если произведения авторов не соответствуют его критериям художественности.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются привлечением обширного круга источников по теме диссертации.

Теоретической базой диссертации послужили, во-первых, работы, посвященные позднему периоду жизни и творчества Толстого. Прежде всего, это труды Г.Я. Галаган⁷, А.Г. Гродецкой⁸, Я.С. Лурье,⁹ Н.Г. Михновец¹⁰, И.Б. Ничипорова,¹¹ М.В. Строганова¹² и Н.Д. Тамарченко¹³. Во-вторых, это работы ученых, посвященные изучению как отдельных авторов-модернистов, так

⁷ Галаган Г.Я. «Исповедь» Л.Н. Толстого: концепция жизнепониманий // Толстой и о Толстом. М., 2009. Вып. 3. С. 208-216; Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л.: Наука, 1981; Галаган Г.Я. Поздний Толстой // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Расцвет реализма: История русской литературы. Л.: Наука, 1982. С. 797-851.

⁸ Гродецкая А.Г. Ответы предания: Жития святых в духовном поиске Льва Толстого / Отв. ред. Г.Я. Галаган. СПб.: Наука, 2000.

⁹ Лурье Я.С. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб., 1993.

¹⁰ Михновец Н.Г. Драма «Живой труп»: своеобразный ответ Л.Н. Толстого-драматурга А.П. Чехову // Литература в школе. 2000. № 2. С. 18-25; Михновец Н.Г. «Крейцера соната» Л.Н. Толстого: с правдой «должного» в жизнь // Литература в школе. 2002. № 2. С. 18-21; Михновец Н.Г. Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Том 26. № 2. С. 132-138.

¹¹ Ничипоров И.Б. Кризисное состояние мира в творчестве Л. Толстого рубежа XIX-XX вв. // Русская литература в православном контексте: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. II. 2014. С. 168-181; Ничипоров И.Б. Лев Толстой и Православная Церковь // Московские Епархиальные ведомости. 2010. № 11-12. С. 121-123.

¹² Строганов М.В. К проблеме литературных диалогов Л. Толстого // Л.Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника: Материалы международного Толстовского форума, посвященного 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. М., 2011. Ч. 2. С. 373-381; Строганов М.В. Лев Толстой и декабристы. Тверь: Лилия Принт, 2006; Строганов М.В. «Слова» и «дела» писателя Л.Н. Толстого, или Было ли у Л.Н. Толстого бытовое поведение? // Лев Толстой и мировая культура: Материалы Третьего международного толстовского конгресса. К 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. 12-14 сентября 2008. Москва / Сост., ред. Т.Т. Бурлакова, С.Д. Шелов. М., 2010. С. 152-161; Строганов М.В. Толстовское начало в позднем Блоке // Александр Блок и мировая культура: Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2000. С. 207-215; Строганов М.В. Толстой и Наполеон // Толстой сегодня: Материалы Толстовских чтений 2012 г. / Отв. ред. Л.В. Гладкова. М.: Оригинал-макет, 2014. С. 49-62; Строганов М.В. Человек болеющий в творчестве Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника: Материалы международного Толстовского форума, посвященного 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. М., 2011. Ч. 1. С. 165-171.

¹³ Тамарченко Н.Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. ИМЛИ РАН. М., Наследие, 2000. С. 336-389.

и осмысляющие феномен русского модернизма в целом. Мы основывались на исследованиях Е.А. Андрущенко¹⁴, В.И. Беззубова¹⁵, Н.А. Богомолова¹⁶, М.А. Воскресенской¹⁷, Л.А. Колобаевой¹⁸, И.В. Корецкой¹⁹, Д.М. Магомедовой²⁰, З.Г. Минц²¹, М.В. Михайловой²², А.В. Лаврова²³, О.А. Лекманова²⁴, А. Пайман²⁵, В.В. Полонского²⁶. Также мы опирались на исследования, связанные с изучением рецепции и литературной репутации авторов начала XX века. Здесь нужно назвать книги и статьи Л.Е. Бушканец²⁷, С.И. Гиндина²⁸, В.Н. Крылова²⁹, А.И. Рейтблата³⁰. Наконец, среди работ по теории культуры и литературного процесса в России начала XX века мы учитывали выводы, сделанные в работах Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина³¹, И.В. Кондакова³², Н.М. Зоркой³³, Н.А. Хренова³⁴.

В нашем понимании модернизма мы идем вслед за Л.А. Колобаевой, называвшей модернизмом «художественные течения конца XIX-XX веков,

¹⁴ Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012.

¹⁵ Беззубов В.И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллинн: Ээсти Раамат, 1983.

¹⁶ Богомолов Н.А. Зинаида Гиппиус // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М.: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 851-881.

¹⁷ Воскресенская М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX-XX веков. М.: Логос, 2005.

¹⁸ Колобаева Л.А. Русский символизм. М: Изд-во МГУ, 2000.

¹⁹ Корецкая И.В. Символизм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Кн.1. С. 688-731.

²⁰ Магомедова Д.М. К проблеме «Вл. Соловьев и Л. Толстой»: «Три разговора» и «Крейцерова соната» (Участники и структура диалога) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 209-213.

²¹ Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004.

²² Михайлова М.В. З.Н. Гиппиус и Г.И. Чулков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1996. № 5. С. 7-18; Михайлова М.В. Литературное окружение молодого В. Брюсова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1999. № 5. С. 115-123.

²³ Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995; Лавров А.В. Андрей Белый на подступах к Толстому // Русская литература. 2016. № 3. С. 47-58.

²⁴ Лекманов О.А. Ключи к «Серебряному веку». Из курса лекций для сайта Magisteria. М.: Rosebud Publishing, Постмодерн технолоджи, 2017; Лекманов О.А. Самое главное: о русской литературе XX века. М.: Rosebud Publishing, Постмодерн технолоджи, 2017.

²⁵ Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 2000.

²⁶ Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

²⁷ Бушканец Л.Е. Он между нами жил... А.П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX века. Казань: Казанский ун-т, 2012; Бушканец Л.Е. Старость Льва Толстого в восприятии современников в 1900-е годы // Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л.Е. Бушканец. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 126-147.

²⁸ Гиндин С.И. Становление брюсовского отношения к Толстому // В. Брюсов и литература конца XIX-XX веков. Ставрополь, 1979. С. 18-31.

²⁹ Крылов В.Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения: монография. ФЛИНТА, 2016.

³⁰ Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

³¹ Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994.

³² Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М, 1997.

³³ Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов. М.: Наука, 1976.

³⁴ Хренов Н.А. Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс. М., 2007.

адепты которых ставят своей целью создание нового, “большого стиля” в искусстве, лежащего за пределами ближайшей традиции, с установкой на осознанное экспериментаторство, исходят из убеждения в автономности искусства и ориентируются на творческую активность читателя (зрителя). Модернизм – очень сложное явление европейского и мирового искусства, охватывающее весьма разнообразные художественные течения – такие как символизм, акмеизм, футуризм, экспрессионизм, “новый роман”, театр абсурда и др.»³⁵.

Однако представители не всех этих течений вступали в диалог с Толстым в 1900-е годы. Поэтому «модернистами» в нашем диссертационном исследовании являются авторы символистского круга, а также Леонид Андреев, в ранний период творчества находившийся на пограничных позициях между реализмом и модернизмом, а позже обратившийся в своих художественных исканиях к экспрессионистской поэтике. Мы не разделяем символистов на старшее (Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Александр Добролюбов и Василий Розанов) и младшее (Андрей Белый) поколения. Это сделано по следующим причинам: во-первых, этого разделения не было в восприятии широкой публики начала века, далекой от борьбы поколений внутри символизма. Для массового читателя, чье отношение к модернистам во многом определялось тем, что писали в газетах и журналах, все они были известны преимущественно как «декаденты». Во-вторых, такого разделения не существовало и для самого Толстого. Он внимательно следил за пришедшими в литературу писателями, но важный для самих модернистов вопрос о различиях между старшим и младшим поколениями, символистами и, например, Андреевым для Толстого не стоял.

Русский модернизм необычайно богат именами писателей и поэтов. В силу этого фокусирование внимания на определенном круге имен неизбежно оставляет за пределами исследования значимых и репрезентативных для русского модернизма авторов. В нашем случае это, например, Александр Блок, Вячеслав

³⁵ Колобаева Л.А. Русский символизм. М: Изд-во МГУ, 2000. С. 5.

Иванов, Михаил Кузмин, Алексей Ремизов, Федор Сологуб и некоторые другие. В работе идет речь о взаимной рецепции Толстого и модернистов. Таким образом, выбранных нами авторов объединяет, во-первых, активный интерес к Толстому, что могло проявляться в попытках войти с ним в контакт, будь то переписка или личная встреча, во-вторых, в восприятии творчества и личности Толстого в таких критических работах, как, например, книга Мережковского или мемуарные заметки Розанова и Гиппиус. Безусловно, следует принять во внимание статью Блока «Солнце над Россией», но нельзя сказать, чтобы Толстой был принципиально важным для него автором. Кроме того, теме «Толстой и Блок» посвящена статья З.Г. Минц³⁶.

В-третьих, условием взаимной рецепции является не только интерес модернистов к Толстому, но и интерес самого Толстого к ним. Наибольшую значимость для нас представляли авторы, так или иначе оказавшиеся в поле зрения Толстого, свидетельством чего является факт знакомства писателя с их творчеством и зафиксированные суждения о нем, хотя далеко не всегда это внимание было пристальным или благосклонным. К сожалению, этого нельзя сказать о Вячеславе Иванове, Кузмине, Ремизове³⁷ и других³⁸. Нет сколько-нибудь развернутых суждений Толстого об этих авторах, и едва ли можно утверждать, что он находился в центре их внимания, как, например, для Иванова был принципиально важен Ф.М. Достоевский. В случае с этими писателями именно о *взаимной* рецепции не может идти речь.

И, наконец, для нас было необходимо выявить особенности взаимной рецепции Толстого и модернистов, ее типологию и базовые принципы. Именно эти особенности и определили структуру работы и отбор материала.

³⁶ Минц З.Г. Ал. Блок и Л. Н. Толстой // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1962. Вып. 119: Тр. по рус. и слав. филологии, 5. С. 232-278.

³⁷ Об отношении Ремизову к Толстому см.: Горный Е. Ремизов и Чехов: (Материалы и пролегомены) // Philologica. 1997. Т. 4, № 8/10. С. 153-159.

³⁸ Что касается авторов, заявивших о себе после смерти Толстого, то для них он был менее важен и интересен, чем для тех, кто пришел в литературу в 1890-е и 1900-е годы. Это поколение уже боролось и спорило друг с другом и со своими непосредственными предшественниками, а не с Толстым. Символисты отстаивали свои ценности в полемике с *живым* Толстым, у следующего поколения не было ни такой возможности, ни такой потребности.

Все сказанное определило **цель исследования** – рассмотреть взаимоотношения Толстого и русских модернистов в едином историко-литературном контексте эпохи.

Данная цель определила **задачи** исследования:

1) создать типологию личных и творческих контактов Толстого с представителями русского модернизма;

2) выявить сближения и различия в мировоззрении (это социальные, философские, этические и эстетические вопросы) и художественной практике Толстого и модернистов, обусловленные эпохой 1900-х годов и проявившиеся в художественном творчестве, публицистике и разного рода иных высказываниях;

3) проанализировать взаимную рецепцию Толстого и модернистов, обусловленную их взглядами и художественной практикой;

4) проанализировать особенности рецепции Толстого и модернистов в контексте друг друга в рамках единого литературного процесса как профессиональными читателями (критикой и публицистикой), так и широкой публикой на материале периодической печати начала XX века. Показать, как воспринимали Толстого и новое поколение литераторов в изданиях различной идеологической направленности и жанровой ориентации; как Толстой и модернисты воспринимались публикой – и какими закономерностями общественного сознания это обусловлено.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении закономерностей и типологии взаимной рецепции и литературной репутации представителей различных литературных и культурных направлений в рамках системно-целостного анализа в контексте их одновременного присутствия в историко-литературном и культурном процессе.

Практическая значимость работы состоит в том, что сделанные в ходе анализа наблюдения могут быть использованы в курсах по истории русской литературы и литературной критики рубежа XIX-XX веков, а также в спецкурсах и семинарах, посвященных творчеству Толстого и русских модернистов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество позднего Льва Толстого и модернистов необходимо рассматривать в едином историко-литературном контексте эпохи рубежа XIX-XX вв. «Поздний» Толстой входит в культурный контекст 1900-х годов не как автономная, изолированная фигура, но как один из участников целостного литературного процесса.

2. Позиция как Толстого, так и модернистов была порождена одними и теми же социально-культурными факторами: Толстой в последние десятилетия жизни обращался в художественном творчестве и публицистике к тем же вопросам и проблемам, которые являлись ключевыми для мировосприятия литераторов модернистского круга. Это вопросы о власти и насилии, понимание целей и задач искусства, проблема смысла существования человека в мире, ощущение кризиса культуры и цивилизации.

3. И у Толстого, и у модернистов было стремление возглавлять и направлять литературный процесс. Пришедшее в литературу новое поколение пыталось «присвоить» Толстого, объявить его своим предшественником для укрепления своих позиций. Толстой, в свою очередь, пристально следил за современной культурой и обращал внимание на новое поколение авторов. Все это обусловило факт их взаимной рецепции.

4. В ряде случаев Толстой оказывался большим радикалом и модернистом, чем сами модернисты. Главным образом это касается его понимания целей и задач искусства, его религиозных исканий, а также политической позиции Толстого и его взглядов на народ и государство.

5. Мировоззрение Толстого и модернистов, при всем их различии, было одинаково далеко и непонятно широкой публике. Этический идеал, эстетические воззрения и политический радикализм позднего Толстого не разделялись большинством его читателей. Однако в силу инерции восприятия публики и имеющегося у Толстого символического капитала он оставался самым авторитетным и важным современным писателем.

Апробация работы. По теме диссертационной работы были сделаны доклады на следующих конференциях:

1. Международный молодежный научно-образовательный фестиваль им. Льва Толстого – 2014. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 10-14 декабря 2014 г.

2. Толстовские чтения – 2015. Государственный музей Толстого, 19-20 ноября 2015 г.

3. Международный молодежный научно-образовательный фестиваль им. Льва Толстого – 2015. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 16-19 декабря 2015 г.

4. Международный молодежный научно-образовательный фестиваль им. Льва Толстого – 2016. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 30 ноября – 5 декабря 2016 г.

5. Толстовские чтения – 2017. Государственный музей Толстого, 21-22 ноября 2017 г.

Структура исследования продиктована особенностями материала. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 229 позиций. Первая глава **«Социальные, философские и эстетические взгляды Л.Н. Толстого и писателей-модернистов в 1900-е годы: сопоставительный анализ»** посвящена изучению общественных и культурных проблем, определявших период начала 1900-х годов. Во второй главе **«Творческие и личные контакты Л.Н. Толстого и писателей-модернистов в 1900-е годы»** речь идет о попытках модернистов обратить на себя внимание Толстого и о его реакции на них. В третьей главе **«Л.Н. Толстой и писатели-модернисты в восприятии русского общества 1900-х годов: споры о литературной иерархии»** анализируется рецепция Толстого и модернистов публикой начала века, для которой они одновременно присутствовали в литературе. Параграфы каждой главы построены как анализ одной из проблем, типичных для ситуации «Толстой и модернисты» с дальнейшим вычленением для конкретного разбора позиции одного из модернистов, наиболее показательной в данном случае.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана общая характеристика работы, сформулированы цели и задачи исследования, а также ее теоретическая и практическая значимость, также обоснована актуальность исследования и приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Социальные, философские и эстетические взгляды Л.Н. Толстого и писателей-модернистов в 1900-е годы: сопоставительный анализ»** состоит из двух разделов: 1.1. **«Общественно-политическая проблематика в публицистике Толстого и модернистов»** и 1.2. **«Социокультурная проблематика в публицистике и творчестве модернистов»**. Характер эпохи определял находящийся в центре обсуждения круг общественных и политических проблем. В период с 1890-х гг. до Первой русской революции идеологические и политические вопросы воспринимались как наиболее острые и требующие скорейшего разрешения.

Структура главы строится следующим образом: в каждом разделе анализируется отношение к тому или иному значимому общественному явлению Льва Толстого и модернистов в целом, а затем мы останавливаемся на сопоставлении взглядов Толстого и одного из представителей модернизма, чья позиция в данном аспекте наиболее показательна.

Первый раздел главы состоит из параграфа §1.1.1. **«Революция, народ и насилие: Толстой и Мережковские»**. Мы рассматриваем идеологические воззрения Толстого и модернистов на примере публицистических текстов, касающихся русской революции 1905 г. и ее последствий. Анализ публицистики Толстого и круга Мережковских дает возможность сделать развернутую характеристику идеологических воззрений Толстого и либерального крыла модернистов, позволяя увидеть точки сближения и наиболее заметные расхождения между ними. Вопросы идеологии и формулирование своего отношения к происходящим в России событиям были ключевыми проблемами эпохи, поэтому мы начинаем наш анализ именно с них. В центре внимания

находятся такие статьи Толстого, как: «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1906), «О значении русской революции» (1906) – и сборник статей Мережковского, Гиппиус и Filosofova «Царь и революция» (1907), из которого мы выделяем работу Гиппиус «Революция и насилие». Одним из наиболее острых вопросов, встававших перед радикально мыслящими интеллектуалами Толстым и кругом Мережковских, был вопрос о насилии и о возможности оправдать его во имя высшей цели. Именно к этому и призывала Гиппиус со страниц сборника. Члены «тройственного союза» Мережковского – Гиппиус – Filosofova следовали максиме «цель оправдывает средства» и находили аргументы для того, чтобы оправдать убийства своих противников во имя наступления светлого будущего. Но Толстой не мог оправдать и принять насилие, даже во имя всеобщего блага. Осознавая глубокий кризис, который привел к Первой русской революции, и неизбежность этих событий, он предостерегал народ, на который возлагал большие надежды, от участия в насилии, творимом каждой из сторон. Многие представители интеллигенции, и среди них Мережковские, поддерживали революцию, потому что видели в ней тенденцию к освобождению. Для них главным ее содержанием были не классовые или экономические, но нравственные вопросы. Именно нравственный аспект и определил понимание революции Толстым и кругом Мережковских, несмотря на несовпадение их позиций.

Первый параграф второго раздела озаглавлен **«Спор о сверхчеловеке: Толстой и Д.С. Мережковский»**. Герои Мережковского – незаурядные личности, артистические натуры, дерзновенные творцы. Поэтому неудивительно противоположное отношение Толстого и Мережковского к титаническим личностям, в первую очередь, к таким ключевым для истории и культуры Европы и России Нового времени фигурам, как Наполеон и Петр I. В данном параграфе мы анализируем восприятие Толстым и Мережковским фигуры Наполеона и мифа о нем на примере, с одной стороны, романа «Война и мир», а с другой, реакции Мережковского на намеренно скептическое изображение писателем полководца, высказанное им в трактате «Л. Толстой и Достоевский». Толстой создал в «Войне

и мире» откровенно непривлекательный и крайне резкий портрет Наполеона. Антропологические воззрения Толстого предполагали критерием состоятельности человека жизнь среди других людей, растворение своего «Я» в других и подчинение общим для всех законам жизни. И сам Бонапарт, и люди, склонные видеть в его действиях воплощение его воли, по Толстому, находятся в плену заблуждений. Мережковский не может согласиться с подобной трактовкой образа Наполеона, в котором для него воплотилась идея о Сверхчеловеке. Главная претензия, которую он выдвигает Толстому, – недооценка Наполеона, искажение его героического образа, что Мережковский считает едва ли не кощунством. Мережковский пытается отстоять культурный миф, «один из прекраснейших человеческих образов»³⁹ от посягнувшего на него Толстого. Мережковский, глубоко воспринявший философию Ницше, утверждал в своем художественном и публицистическом творчестве индивидуальное начало, создавая портреты исключительных и титанических героев. Такое понимание человека отразилось и в его восприятии фигуры Наполеона как одного из высших проявлений ничем не ограниченной реализации этого начала. Толстой сам был во многом бунтарем и ниспровергателем устоев, однако парадоксальность рассмотренной нами ситуации состоит в том, что его мировосприятию была крайне чужда идея о сверхчеловеке и стремление подчинять чужие жизни своим интересам.

Обращает на себя внимание, что Толстой, обычно довольно нелицеприятно отзывавшийся о литераторах – приверженцах «новых тенденций» в искусстве, тем не менее, выделял среди них личность Александра Михайловича Добролюбова. В §1.2.2. **«Критика современной цивилизации и искусства: Толстой и А.М. Добролюбов»** мы отвечаем на вопрос, что могло сближать двух столь непохожих, на первый взгляд, авторов и заставило Толстого сказать о бывшем декаденте: «<...> христиански живущий человек. Я полюбил его» (54; 191)⁴⁰. Объединяющей чертой являлась радикальная критика достижений цивилизации, культуры, науки и прогресса, проводимая как Толстым, так и ушедшим в народ

³⁹ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука. 2000. С. 234.

⁴⁰ Л.Н. Толстой цитируется по: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (юб. изд.): В 90 т. М.; Л: ГИХЛ, 1928-1958. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

Добролюбовым. Толстой не видит смысла в плодах, которые несет человечеству прогресс, если они никак не способны повлиять на сферу жизни человека, которую Толстой считал самой важной, – религиозную. Именно на этом и основывает он свою критику новейших достижений цивилизации. Мысли о бесплодности разъединяющей людей современной цивилизации, сходные с толстовскими, нашли свое отражение в сборнике Добролюбова «Из книги невидимой» (1905), в котором он приходит к принципиально важной и для Толстого мысли о «соединении» как необходимом условии состоятельности человека. И, наконец, весьма существенное, привлекавшее Толстого в Добролюбова – это опыт воплощения толстовских идеалов народной жизни. Добролюбов на практике реализовал такие заветные помыслы Толстого, как разрыв с привычным кругом и уход «в народ». Секрет притягательности личности Добролюбова для Толстого заключался в свойственном им обоим стремлении и умении оказывать воздействие на людей и способствовать их объединению. Отсюда присущий как Толстому, так и Добролюбову пафос проповедника, умеющего «заражать» и объединять вокруг себя людей. Критическое отношение ко многим неприглядным явлениям современности было присуще модернизму. И в случае Толстого и Добролюбова мы можем видеть совпадение толстовского мировосприятия и важной для модернизма идеи тупиковости современной цивилизации.

Одной из самых обсуждаемых в 1900-е годы была проблема безумия. §1.2.3. «Трактовка безумия: Толстой и Андрей Белый» посвящен отношению к проблеме безумия Толстого и одного из лидеров символизма – Андрея Белого. Мы анализируем статью Толстого «О безумии» (1910) и его рассказ «Записки сумасшедшего» (1884), а также открытое письмо Андрея Белого «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (1903). В своей статье Толстой приводит множество примеров того бедственного положения, в котором оказалось погрязшее в безумии человечество, они касаются преимущественно людей, берущих на себя право распоряжаться жизнью и свободой других, например, правительств, затевающих войны и посылающих солдат убивать и

умирать. Разумным, по Толстому, является то, что сообразно с выработанной признанными учителями человечества нравственной программой. Не усвоившее это наследие и живущее согласно принятым в обществе положениям большинство пребывает в состоянии безумия, которое Толстой понимал как крайнюю самонадеянность. Единственное решение этой проблемы Толстой видит в сознательном усилии, которое должно предпринять человечество, чтобы сбросить с себя это состояние. Что касается рассказа «Записки сумасшедшего», то его герой не сходит с ума – он объявлен сумасшедшим, но не является таковым. Причина его «безумия» в том, что он воспринимает безумие и абсурд окружающей жизни (воспринимаемый обществом как норма и заданный, непреложный порядок вещей) явственной других людей.

Андрей Белый же, в свою очередь, воспринимал безумие личности, а не общества, с положительной коннотацией, как отметил А.В. Лавров: «“Безумие” в трактовке Белого – формула духовного богатства и свободы от косной действительности, способность созерцать недоступные обыденному взгляду совершающиеся “тайные” мировые процессы; это – отвага дерзающего, устремляющегося за очерченные пределы»⁴¹. Безумие, в понимании Белого, – это, с одной стороны, ярлык, который старшее поколение пытается навесить на молодое, взгляды которого не встречают у них понимания, а с другой – возможность творческой реализации, открывающей художнику доступ к новым, доселе не испытанным чувствам и эмоциям. Глубоко воспринявший биографию и философию Ницше, Белый видел в фигуре безумца пророка, предвещающего наступление новых времен. И Белый, и отчасти, Толстой склонны были усматривать причину безумия в сложившейся общественной ситуации, но делают из этого положения разные выводы. Белый воспринимает безумие романтически и готов поддерживать его, если оно подпитывает творческую деятельность, служит для пробуждения в человеке пророческих способностей. Для Толстого же оно носит однозначно негативный характер, и он резко критически воспринимает все порожденное человеком в этом состоянии, не в последнюю очередь и творчество.

⁴¹ Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 111.

§1.2.4. «Вопрос о назначении искусства: Толстой и В.Я. Брюсов»

посвящен эстетическим проблемам. В нем мы сопоставляем эстетические взгляды Толстого, наиболее полно выраженные в трактате «Что такое искусство?» (1897), с воззрениями молодого Валерия Брюсова, сформулированными в программной статье «О искусстве» (написана в 1898 г., отдельное издание 1899 г.). Сравнительный анализ обнаруживает некоторые положения, сближающие статью Брюсова с трактатами Толстого, на что указывал сам молодой поэт. Но эти совпадения носят во многом поверхностный характер. Сближение эстетических воззрений Брюсова и Толстого могло быть вызвано прямым влиянием последнего. Однако различия позволяют сделать парадоксальные выводы о гораздо большем радикализме Толстого, чем Брюсова. В радикализме, эстетическом и мировоззренческом, проявившемся в борьбе с общепринятыми установками и представлениями, Толстой пошел гораздо дальше молодого писателя, уже успевшего ко времени создания статьи снискать себе репутацию провокатора, эпатирующего публику.

Толстого и модернистов объединяла катастрофичность мировосприятия, ощущение современности как эпохи кризиса и перелома, которые должны завершиться неизбежным крахом существующего миропорядка. Ощущение кризиса спровоцировало пересмотр оснований искусства, отвержение форм, которые принимает современная цивилизация и культура, сопровождавшееся желанием утвердить новое – взамен отжившему старому. Все это сказалось в исканиях Толстого и модернистов, живших в одно время и предъявлявших этому времени каждый свой счет. Важное различие, однако, состоит в том, что модернистам, за исключением ушедшего в народ Добролюбова, была присуща буржуазность, они сами стремились быть частью мира, который критиковали. Это стремление выражалось в желании славы и всего того, от чего Толстой в поздние годы бежал. Толстой антибуржуазен и гораздо более последователен в своем отвержении мира и желании ухода из него, что он, в конце концов, и реализовал на практике.

Вторая глава носит название **«Творческие и личные контакты Л.Н. Толстого и писателей-модернистов в 1900-е годы»**. *Творческими контактами* мы называем осмысление произведений Толстого, воплотившееся в художественном творчестве модернистов. *Личные контакты* зафиксированы в дневниках, мемуарах, письмах самого Льва Толстого и его окружения, а также в свидетельствах самих модернистов о посещении Ясной Поляны. Гости дома Толстого приезжали со сложившимися представлениями о писателе и своими ожиданиями от общения с ним. Эти представления были сформированы несколькими факторами: творчеством Толстого, культурной мифологией, уже успевшей сложиться вокруг него, тиражировавшимся массовой печатью образом Толстого, а также тем особенным, личным взглядом на писателя, который был присущ некоторым его гостям, например, Мережковскому, создавшему о Толстом большую работу «Л. Толстой и Достоевский». Тем важнее отметить несовпадение этих заданных ожиданий с реальным Толстым, отраженное в различных «отчетах» о посещении Ясной Поляны.

Глава состоит из двух разделов: 2.1. **«Двусторонние контакты»** и 2.2. **«Односторонние контакты»**. Односторонними – мы называем те случаи очного и заочного общения Толстого и модернистов, когда интерес и внимание к писателю проявлялись с их стороны. Заинтересованность Толстого, если и имела место, то носила случайный и эпизодический характер. К двусторонним же мы относим тот тип контактов, который не ограничился встречей, общением и написанными постфактум статьями или воспоминаниями о визите к Толстому, но отличался *интересом* самого Толстого к творчеству и личности своего корреспондента и собеседника. Как пример такого типа контактов мы выделяем продолжавшуюся на протяжении почти десяти лет переписку Толстого с Леонидом Андреевым, закончившуюся долгожданным, с обеих сторон, визитом переживавшего пик своей популярности молодого автора к живому классику.

В §2.1.1. **«“Нет серьезного отношения к жизни”: Леонид Андреев»** анализируется переписка двух литераторов, влияние творчества Толстого на прозу Леонида Андреева. Андреев на протяжении почти десяти лет пытался

лично встретиться со своим старшим современником. Первая попытка Андреева обратить на себя внимание Толстого относится к 1901 г., когда он прислал в Ясную Поляну первый сборник своих рассказов. В некоторых из них проявилось влияние Толстого. Мы анализируем вошедшие в сборник рассказы «Молчание», «На реке» и «Жили-были»⁴² не только по причине того, что они были выделены самим Толстым, но и как наиболее близкие толстовскому мировосприятию. Объединяющей их темой является разорванность человеческих связей и отсутствие взаимопонимания между людьми. В нашем анализе мы проводим параллели между произведениями Андреева и «Смертью Ивана Ильича», «Хозяином и работником», «Отцом Сергием» и «Войной и миром» Толстого. И Толстого, и Андреева занимает вопрос о состоянии человека, находящегося на пороге жизни и смерти. Оба писателя сосредоточили свое внимание на телесных страданиях, но в своем изображении физической и моральной стороны этих состояний Толстой идет гораздо дальше: у него они всегда неотделимы от моральных. Толстого пограничные состояния интересовали потому, что за ними писатель видел перспективу преображения человека.

Толстой увидел в только вступившем в литературу писателе художника, уделяющего внимание тем же сторонам жизни, что и он сам, и, что не менее важно, находящегося в русле реалистической традиции. Охлаждение Толстого к Андрееву в дальнейшем будет связано с изменением художественной манеры молодого писателя, обусловленной переходом от традиции, условно говоря, толстовско-чеховского повествования – к экспрессионистской манере при сохранении интереса к прежним темам. Так, Толстой резко критиковал рассказ «Бездна», что вызвало досаду Андреева, который усматривал непосредственное «родство» между своим рассказом и «Крейцеровой сонатой». Андреев не прекращал искать встречи с Толстым и продолжал отправлять ему свои новые произведения, надеясь снискать одобрение писателя. Мы анализируем реакцию Толстого на присланные ему произведения «Красный смех» и «Рассказ о семи

⁴² На страницах сборника Толстым были выставлены следующие оценки произведениям Андреева: «Молчание» – 5, «На реке» – 5, «Жили-были» – 5. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Ч. I. М.: Книга, 1972. С. 38-41.

повешенных». Последнее произведение анализируется нами с точки зрения влияния на нее повести «Смерть Ивана Ильича». Необходимо отметить общий *мотив приговора*, который сначала выносят герои, берущие на себя такое право, а после – выносят *героям*, и этот приговор уже невозможно отменить. Также характерно внимание обоих писателей к состояниям, переживаемым человеком, знающим о своей скорой смерти. В рассказе Андреева один из обреченных, Сергей Головин, не случайно носит фамилию главного героя толстовской повести. Описание постепенного вторжения мысли о смерти в сознание героя очевидным образом перекликается с тем, что пережил Иван Ильич Головин.

Столь долго переносившийся визит Андреева к Толстому состоялся только 21 апреля 1910 г. Андреев как человек явно больше понравился Толстому, чем как литератор. Однако в Дневнике 23 апреля 1910 г. Толстой вынесет ему более строгую оценку: «Нет серьезного отношения к жизни, а между тем поверхностно касается этих вопросов» (58; 41). При всей человеческой симпатии писателя к Андрееву, осознающему себя во многом «*учеником*» Толстого, младший автор не получил признания своего «*учителя*» отчасти потому, что их воззрения на человека и его предназначение существенно различались.

Второй раздел 2.2. «**Односторонние контакты**» состоит из пяти параграфов. В §2.2.1. «**“Несомненный упадок цивилизации”: восприятие Толстым модернистов**» мы обращаем внимание на наиболее значимые суждения Толстого о модернизме вообще, без учета его мнений о конкретных персоналиях. Эти суждения, во всех случаях резко критические, характерны тем, что неприятие писателем нового в искусстве сопровождается у него формулировкой собственных критериев художественного творчества, которым модернисты не соответствовали. Важно подчеркнуть, что критика Толстым нового искусства основывалась на тщательном изучении творчества представителей столь чуждых писателю художественных явлений. Несмотря на всю декларируемую неприязнь, он считал для себя важным иметь представление о новейших тенденциях в культуре. Модернистское искусство, «декадентство», прочно ассоциировалось в

сознании Толстого с кризисом культуры и цивилизации вообще. И в новом искусстве он находил наиболее яркие примеры этого упадка.

В §2.2.2. **«“Оставить без ответа”: Валерий Брюсов»** речь идет о стремлении Брюсова заручиться авторитетом Толстого для упрочения своей позиции в литературе, а также об оценке старшим писателем его творчества. Брюсов был одним из первых модернистов, пытавшихся обратить на себя внимание Толстого. Так, в статье «О искусстве» он выдвинул тезис о близости своего понимания сущности искусства толстовской эстетике. Брюсов в письме к Толстому от 20 января 1898 г. высказал просьбу указать на факт этой близости в печати. Толстой проигнорировал письмо Брюсова, также не удалось двум литераторам и лично встретиться друг с другом. Однако Толстому попадались отдельные произведения Брюсова, публиковавшиеся в широкой печати, и он оставлял свои суждения о них, преимущественно критические. В целом, можно сказать, что восприятие Толстым поэта находилось в границах его восприятия модернизма вообще.

В §2.2.3. **«“Совершенное сумасшествие, набор слов”: Константин Бальмонт»** говорится о контактах Толстого с еще одним представителем старшего поколения символистов – К.Д. Бальмонтом. Поэт лично встречался с Толстым в 1901 г., а затем прислал ему сборник своих стихов «Горящие здания», отметив те стихи, которые могут сколько-нибудь интересовать Толстого. По всей видимости, Толстой был знаком с воспоминаниями об этой встрече, написанными Бальмонтом⁴³. В этих воспоминаниях писатель предстает добродушным старцем, с симпатией и легкой насмешливостью общающимся со своими гостями. Бальмонту было прекрасно известно неприятие Толстым символистской литературы, отсюда мягко-ироническая позиция по отношению к тому, чем прославился его посетитель. Бальмонт сознательно смягчает позицию Толстого по отношению к новому искусству. В пересказе поэта она нивелируется либо мягкой иронией, либо «притворством» Толстого, который пытается скрыть, что стихи его тронули, а также указанием на то, что существуют явления, которые

⁴³ См.: Бальмонт К. О книгах для детей // Весы. 1908. № 3. С. 82-83.

находятся за пределами понимания яснополянского старца. Что касается восприятия Толстым творчества Бальмонта, то оно в целом было скорее отрицательным. Толстой не выделял Бальмонта из ряда других авторов-модернистов, для него поэт во многом воплощал те негативные тенденции, которые он видел в искусстве новой эпохи. Не было и у самого Бальмонта глубокого интереса к творчеству и личности своего старшего современника. Он не оставил сколько-нибудь серьезных работ, посвященных Толстому, помимо короткого мемуарного фрагмента, написанного с целью зафиксировать сам факт общения с великим писателем и представить себя в наиболее выгодном свете.

§2.2.4 «“Этих хочу любить и не могу”: Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский» посвящен общению Толстого с Мережковским и Гиппиус, а также мемуарным, дневниковым и эпистолярным свидетельствам об их контактах. Единственная встреча Мережковских с Толстым произошла в Ясной Поляне 11-12 мая 1904 г. Впечатления Толстого от общения с гостями были противоречивыми: «Сейчас уехали от нас Мережковские. Этих хочу любить и не могу» (75; 104). Что касается реакции Мережковских, то Маковицкий указывает на письмо Гиппиус, в котором та говорила, что «и перед приездом ее муж с любовью относился к Л. Н. и что он уехал с той же любовью, с какой приехал»⁴⁴. Гостям было важно подчеркнуть расположение к ним Толстого. На это будет указывать Мережковский в «Автобиографической заметке» для подготовленной С.А. Венгеровым книги «Русская литература XX века. 1890-1910» и Гиппиус в мемуарной книге «Живые лица» (1925), в которой визиту в Ясную Поляну посвящена глава «Благоухание седин». Кроме этого, Гиппиус важно было показать, что Толстой был знаком с книгой Мережковского о нем, даже если и не во всем в ней соглашался. Посещение Мережковскими писателя нашло отражение в повести Гиппиус «Suor Maria» (1904), главный герой которой едет в Ясную Поляну, чтобы увидеть Толстого. В главе под характерным названием «Учитель» описываются впечатления героя от посещения дома Толстого и от общения с ним. Что касается вопроса о знакомстве Толстого с работой Мережковского о нем, то в

⁴⁴ Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904-1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1. М., 1979. С. 113.

яснополянской библиотеке сохранился экземпляр книги «Религия Л. Толстого и Достоевского» (СПб., 1902), однако есть факты, противоречащие словам Гиппиус. Так, в ответе на письмо студента Александра Бархударова Толстой сказал: «Мережковского не читал и, судя по тем выпискам, которые вы делаете, читать, а тем менее оправдываться не нахожу нужным» (82; 204). Обращает на себя внимание и переписка Толстого и Гиппиус по поводу смертной казни и статьи В.А. Жуковского на эту тему, в которой писатель выражал свое согласие с позицией своей корреспондентки. Это письмо и является, пожалуй, той точкой, где воззрения Толстого и Мережковских не вступают в противоречие. Толстой едва ли мог сойтись с Мережковским и Гиппиус на почве философских исканий и эстетических воззрений. Слишком разными были взгляды яснополянского старца и провозвестников нового религиозного сознания на человека, религию и искусство. Но несогласие с насилием, чинимым над людьми, протест против жестокости объединили столь различных между собой мыслителей.

В §2.2.5 «**“Мало интересен”: Василий Розанов**» говорится о контактах Толстого с одним из наиболее ярких мыслителей Серебряного века – В.В. Розановым. Их единственная встреча состоялась 6 марта 1903 г. в Ясной Поляне, куда философ, по приглашению Толстого, приехал с женой. В своих статьях Розанов неоднократно обращался к творчеству, личности и этической системе Толстого. Мы сосредоточили свое внимание на тех фактах, которые касались личного общения философа с Толстым. Поездке в Ясную Поляну были посвящены две статьи, написанные спустя пять лет после посещения писателя: «Одно воспоминание о Л.Н. Толстом» (Русское слово. 1908) и «Поездка в Ясную Поляну» (Русское слово. 1909); последняя, как и следует из названия, практически не касалась философских и мировоззренческих проблем, а представляла собой «почти только физическое»⁴⁵ впечатление от пребывания в доме у Толстого. Розанова поразило несоответствие своего представления об облике писателя с тем, что он увидел: «И вот он вышел. Но почему он такой маленький, с меня или немного больше меня ростом? Я ожидал большего роста – по портретам и оттого,

⁴⁵ Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 319.

что он – “Альпы”»⁴⁶. Статья же «Одно воспоминание о Л.Н. Толстом» посвящена непосредственно состоявшемуся разговору, который касался двух сфер, всегда находившихся в центре внимания Розанова, – религиозной и семейной. Разговор с Толстым здесь только повод для того, чтобы еще раз коснуться непосредственно интересовавших философа вопросов. Так, после рассказа Толстого о встрече с крестьянами, которые не могли ответить, кто была Божья Матерь и Иисус Христос, идут рассуждения Розанова о корнях народной религиозности и «русской вере», занимающие центральную часть статьи. Сам Толстой о встрече с философом высказался кратко и однозначно: «Был у меня на днях Розанов. Мало интересен» (74; 67). В параграфе анализируются высказывания Толстого о различных статьях Розанова, носящие преимущественно скептический характер. По всей видимости, Толстой был знаком с Розановым исключительно по его газетным публикациям, пройдя мимо более обширных и гораздо более «модернистских» книг философа, воспринимая его только как популярного журналиста. Писатель, очевидно, не рассматривал Розанова всерьез, поскольку не находил в его работах близкого себе содержания, а позже стал воспринимать его в ряду других деятелей новой литературы, которые связывались у него прежде всего с кризисом культуры и цивилизации.

Замечание Толстого о Розанове – «мало интересен» – во многом суммирует отношение писателя к модернистам. Толстой пристально всматривался в современность, интересовался ей, пытался увидеть в ней предвестие нового, лучшего мира. Однако те люди, которые творили эпоху модерна, оказались Толстому не интересны. Часто они не соответствовали его требованиям как художники и как собеседники. В их литературе он редко усматривал глубокое содержание, а опыт личного общения часто оказывался разочаровывающим.

Третья глава диссертации носит название **«Л.Н. Толстой и писатели-модернисты в восприятии русского общества 1900-х годов: споры о литературной иерархии»**. В ней речь идет о том, как в широкой печати начала XX века воспринимались Толстой и модернисты. В сознании читателей этой

⁴⁶ Там же. Несовпадение облика Толстого с ожиданиями встретить «могучего старца» удивило и З.Н. Гиппиус. См.: *Гиппиус З.Н. Благоухание седин // Л.Н. Толстой: pro et contra*. СПб., 2000. С. 125.

эпохи они существовали одновременно. Если новый культурный феномен слишком странный и необычен для непривыкшей к подобным новшествам публики, то этим «отклонениям», как и самому появлению «вырождающихся» декадентов, нужно было дать свое объяснение. Этим и занималась литературная критика, и в «толстых» журналах, в которых художественным феноменам давалось социологическое или же культурологическое объяснение, и в юмористических журналах. Последние представляют интерес тем, что, несмотря на кажущуюся легкость содержания, именно в них можно было зафиксировать голос массового читателя, типичного представителя широкой публики. Эта глава посвящена изучению аспектов восприятия Толстого и модернистов, системе оценок, которая им давалась, а также попыткам использовать имя и авторитет Толстого для укрепления своей идеологической позиции.

Так, §3.1 «Толстой и толстовский юбилей в восприятии консервативных изданий» посвящен анализу материалов о праздновании восьмидесятилетнего юбилея писателя, выходивших в печати того времени, прежде всего консервативной. Издания консервативной направленности интересуют нас потому, что в них отражена точка зрения достаточно большей части читающей публики. Широкая публика опирается на идеи здравого смысла, склонна не принимать все, что не укладывается в обывательские представления, и с недоверием относится к новому и непривычному. Поддержкой этих представлений и одновременно их формированием занималась консервативная печать. Такая ситуация делает подобные издания исключительно интересным источником для понимания литературного процесса эпохи и изучения рецепции творчества и публичного образа писателей. Среди наиболее любопытных аспектов восприятия личности Толстого можно выделить следующие: присутствовавшее в сознании публики разделение образа Толстого на Толстого-художника и Толстого-мыслителя не только вполне отчетливо осознавалось официальными властями, а также изданиями, являвшимися их рупором, но даже поддерживалось ими в пользу понимания Толстого исключительно как писателя, автора художественных произведений, но никак не проповедника раскалывающих

общество идей. Восприятие Толстого в его более «безопасном» образе художника порой буквально *предписывалось* сверху под угрозой наказания. Власть, используя свои возможности, задавала «правильную», нужную ей модель понимания Толстого: политический и религиозный публицист создавал вокруг себя возмущение и сеял сомнения в истинности существующего порядка, Толстой же, понимаемый исключительно как литератор, не нес в себе такой опасности.

Толстой оказывается оружием в идеологической борьбе различных политических направлений. Связанный с его именем огромный авторитет, несомненный даже для его прямых противников, добавляет своеобразного «веса» той или иной позиции. Масштаб личности и разнообразие возможных «образов» Толстого, проявившихся в массовом сознании эпохи, позволяли сконструировать своего собственного «Толстого», в зависимости от политических задач и идеологических предпочтений. Даже так раздражавшие власть свободомыслие и индивидуализм Толстого можно было представить так, что они начинали работать против идеологических оппонентов. В параграфе показывается то, как был устроен механизм присвоения и адаптации Толстого. Для этого использовались наиболее характерные и узнаваемые черты толстовского образа, которые успели сложиться и утвердиться в массовом сознании за более чем полувековую творческую биографию писателя. Из них выбирались наиболее подходящие для текущих задач: Толстой мог быть как патриотом, участвовавшим в войне, так и отвергающим насилие пацифистом; поднимать «неудобный» женский вопрос и описывать кризис современной семьи и в то же время воплощать патриархальные, семейственные начала. Даже такие качества, как свободомыслие и отдельная, не зависящая от чьих-либо мнений позиция, могли в зависимости от контекста восприниматься и использоваться по-разному. Авторы тех или иных статей и материалов создавали своего «Толстого» и тем самым присваивали его.

В §3.2 «Толстой как предшественник модернизма в восприятии критики 1900-х годов» речь идет о восприятии Толстого в качестве непосредственного предшественника модернизма в России; ответственного за возникновение в литературном и общественном пространстве многих

художественных и интеллектуальных тенденций, которые ассоциировались у публики с тем, что называлось декадентством. Такой взгляд на Толстого предполагает, что он своим творчеством и философской публицистикой, сам того не желая, подготовил почву для возникновения новых течений в литературе. Нами проанализированы книга критика С.А. Андреевского «Литературные очерки» (1902), статья А.И. Покровского «Современное декадентство перед судом вековых идеалов» (1904), опубликованная в журнале «Русский вестник», а также книга Ю. Александровича (Потеряхина) «История новейшей русской литературы. 1880-1890» (1911).

Андреевский причисляет писателя к декадентам, основываясь исключительно на характерных особенностях его творчества, не касаясь философских и религиозных исканий. И чертой толстовской прозы, позволяющей Андреевскому утверждать близость писателя к модернистам, является ее психологизм, напряженное внимание к внутреннему миру человека, исследование на первый взгляд незаметных перемен в его состоянии. Покровский в вопросе о влиянии Толстого на русский модернизм делает акцент не на художественном творчестве писателя, но на его противостоянии религиозному догматизму и критике государственной власти. В толстовской проповеди он обнаружил те разрушительные начала, которые позволили декадентам, лишь недавно возникшему движению, провозгласить Толстого своим предшественником и, пользуясь его авторитетом, подтачивать общественные устои. Наконец, Александрович, наиболее решительно настроенный против Толстого, прямо обвиняет его в том, что в учении мыслителя, так или иначе, содержатся все негативные философские и идеологические тенденции наступившей эпохи. Как он полагает, Толстой своим мировоззрением смутил умы целого поколения. В том, что на русской почве возникли такие пагубные веяния, как ницшеанство, марксизм, модернизм и так далее, есть прямая вина писателя. Учение Толстого, выраженное, преимущественно, в его публицистике и трактатах, по мнению Александровича, содержало в себе в той или иной степени черты тех тенденций, в которых он усматривает признаки упадка и вырождения.

В §3.3 «**Восприятие модернистов в консервативной критике**» анализируются материалы изданий, враждебно относившихся к феномену русского модернизма. В этом отношении представляет интерес статья А.И. Покровского «Современное декадентство перед судом вековых идеалов» (1904). Критик продолжает высказанную еще Н.К. Михайловским мысль об отсутствии у русских модернистов оригинальности. Как и многие противники декадентства, Покровский обращается к книге Макса Нордау «Выврождение», широко используя по отношению к творчеству модернистов медицинскую терминологию, связанную с психическими заболеваниями. В итоге сам дискурс антидекадентской критики приобретал отчетливо медикализированный вид в силу использования медицинской лексики и стремления поставить авторам разбираемых произведений тот или иной диагноз. Консервативная критика видела в модернистском искусстве опасность для общества, предостерегая читателя от легкомысленного отношения к декадентству, призывая его увидеть в символистских произведениях серьезную угрозу.

Претензии, которые выдвигала консервативная печать Толстому и модернистам, как мы продемонстрировали, оказались во многом схожими. Модернистам, пытавшимся настаивать на своей преимущественности по отношению к Толстому, удалось в итоге получить признание этого факта. Однако заявил об этом не сам Толстой, как им бы этого хотелось, но противники модернистов из консервативного лагеря.

§3.4 «**Лев Толстой в зеркале юмористических журналов**» посвящен анализу репрезентации Толстого в юмористических изданиях. Толстой в последние десятилетия жизни воспринимался публикой не столько как писатель, сколько как учитель жизни, своей нравственной проповедью наставляющий заблудшее человечество на путь истинный. И в центре внимания журнальной юмористики, таким образом, оказывались не столько особенности его поэтики, сколько наиболее выразительные аспекты толстовского учения. Внимание на себя могли обратить, кроме прочего, критическое отношение к браку, проявившееся в повести «Крейцерова соната»; специфическое понимание Толстым задач

художественного творчества, наиболее полно выраженное в трактате «Что такое искусство?», в частности, неприятие демонстрации обнаженного женского тела; толстовская проповедь опрощения; вегетарианство; а также, например, пристрастные оценки, которые писатель давал тем или иным представителям мировой культуры, не соответствовавшим его критериям художественной состоятельности.

Что касается изображения Толстого в виде рисунков и карикатур, то в последние десятилетия жизни Толстого художники всегда делали его *больше*, масштабнее изображенных рядом с ним писателей и поэтов. Иногда они буквально изображали его исполином на фоне карликов, как например, на карикатуре «Великан и пигмеи: Л.Н. Толстой и современные писатели»⁴⁷. Рисунок и подпись исчерпывающим образом определяют положение Толстого в литературной иерархии эпохи.

В §3.5. «Русский модернизм в зеркале юмористических журналов» анализируется то, как был представлен образ декадентов в юмористических изданиях. В начале века представители модернистских течений в литературе часто оказываются на страницах юмористических журналов в качестве героев подписей к рисункам, скетчей, юмористических стихотворений. В них высмеивался образ не только самих авторов-символистов, но шире – образ декадента как человека, чей облик и поведение явно выламываются из обыденного представления. Феномен декадентства зачастую истолковывался юмористическими журналами как проявление душевной болезни и слабоумия. Сознательно или бессознательно, но авторы фельетонов и скетчей следовали здесь за видевшим в «новом искусстве» подобные симптомы Максом Нордау и его книгой «Вырождение». Юмористическая печать являлась зеркалом, в котором отражались вкусы и настроения читательского сообщества. Не претендуя, в отличие от профессиональной критики, на глубину анализа, она точно фиксировала наиболее узнаваемые черты самых разнообразных культурных феноменов начала XX века. В параграфе на ряде примеров проанализированы эти

⁴⁷ Буди́льник. 1908. № 33. С. 10.

черты, определившие восприятие широкой публикой феномена модернистской культуры. Читателю начала XX века приходилось встраивать в литературную иерархию провоцирующих их восприятие представителей модернистских течений, вырабатывать для себя новые критерии их оценки. Юмористические издания были своего рода «критической полицией» в литературе. В целом, точка зрения массового читателя на проблему литературных иерархий, представленная в юмористических изданиях, может быть рассмотрена как позиция «здравого смысла», имеющая свои ограничения и достоинства, но чрезвычайно важная для изучения литературного процесса, поскольку показывает, насколько расходятся официально принятая история литературы, в которой Толстой и модернисты одинаково важны в иерархии писателей начала XX века, и читательская история литературы, которая четко выстроила иерархию: на вершине Толстой, а модернисты вообще исключены из литературного процесса, или же не воспринимаются всерьез.

В **Заключении** представлены итоги и выводы проведенного исследования.

В своей работе нами была установлена и обоснована необходимость рассмотрения взаимоотношений Толстого и модернистов в едином историко-литературном контексте. Мы показали, что Толстой был вписан в культурный контекст 1900-х годов и являлся не обособленной фигурой, но частью общего исторического и культурного процесса.

Нами было установлено, что позиция как Толстого, так и модернистов по многим вопросам была порождена одними и теми же социально-культурными факторами. Мы продемонстрировали, как Толстой в последние годы жизни обращался в художественном творчестве и публицистике к тем же вопросам и проблемам, которые являлись ключевыми для мировосприятия литераторов модернистского круга: предназначение искусства, безумие как состояние современного человека, противостояние государственной власти и неприятие официальной религиозности, критика современной культуры как порождения зашедшей в тупик цивилизации. Поиск ответов на вопросы, которые ставила

перед Толстым и модернистами эпоха, был центральным для исканий литераторов начала века, к какому поколению они бы ни принадлежали.

Мы показали, как в своем стремлении укрепить свои позиции в литературе недавно пришедшее в нее поколение модернистов пыталось «присвоить» его, объявить своим предшественником. Толстому также было присуще стремление направлять литературный процесс, он пристально следил за современной культурой. Все это обусловило факт их взаимной рецепции.

Нами было установлено, что в некоторых вопросах Толстому был присущ больший радикализм и идеологический модернизм, чем самим модернистам. В первую очередь это касается его понимания целей и задач искусства, его религиозных исканий, политической позиции и взглядов на народ и государство.

Проанализировав рецепцию Толстого и модернистов публикой, мы показали, что их мировоззрение и искания, при всем их различии, были одинаково далеки от широкой публики и непонятны ей. Этический идеал, эстетические воззрения и политический радикализм позднего Толстого не разделялись большинством его читателей. Однако в силу инерции восприятия публики и имеющегося у Толстого символического капитала, он оставался самым авторитетным и важным современным писателем.

Основное содержание и результаты диссертационного исследования отражены в следующих работах из **списка публикаций, входящих в перечень научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:**

1. *Тушев А.Н.* Л.Н. Толстой и А.М. Добролюбов как критики цивилизации и искусства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 183-189. ИФ РИНЦ – 0,271.

2. *Тушев А.Н.* Лев Толстой и Мережковские: к истории взаимоотношений // Казанская наука. 2020. № 10. С. 32-34. ИФ РИНЦ – 0,180.

3. *Тушев А.Н.* Толстой как предшественник модернизма в восприятии критики 1900-х годов // Philologos. 2020. № 4 (47). С. 75-80. ИФ РИНЦ – 0,115.

4. *Тушев А.Н.* Лев Толстой и Валерий Брюсов о литературной критике // Казанская наука. 2021. № 1. С. 16-18. ИФ РИНЦ – 0,180.

В других изданиях:

Журналы, входящие в перечень ВАК:

5. *Тушев А.Н.* Л.Н. Толстой и Л.Н. Андреев: диалог о смерти // Филология и культура. № 4 (42). Казань. 2015. С. 251-254. ИФ РИНЦ – 0,366.

6. *Бушканец Л.Е., Тушев А.Н.* Лев Толстой как современник Серебряного века: внутрипредметные связи в курсе литературы XI класса // Литература в школе. 2016. № 9. С. 24-26. ИФ РИНЦ – 0,045.

Журналы, входящие в базу данных WoS:

7. *Bushkanets L.E., Tushev A.N.* L. Tolstoy and A. Chekhov in the reception of the reader of the early twentieth century: reception of literature in the aspect of social psychology // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. TOJDAC November 2016 Special Edition (WoS), pp. 2440-2445.

8. *Bushkanets L.E., Tushev A.N.* Literary criticism of humor magazines in establishing of the literary hierarchy // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. TOJDAC November 2016 Special Edition (WoS), pp. 2898-2903.

Коллективная монография

9. *Тушев А.Н.* Можно ли смеяться над живым классиком? Лев Толстой в зеркале юмористических журналов // Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л.Е. Бушканец. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 174-185.

Журналы, входящие в базу данных РИНЦ:

10. *Тушев А.Н.* Л.Н. Толстой и Д.С. Мережковский: спор о сверхчеловеке // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т.1. № 2 (1). С. 55-62. ИФ РИНЦ – 0,075.

11. *Тушев А.Н.* Восприятие русского модернизма консервативной критикой // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т.3. № 3. С. 210-223. ИФ РИНЦ – 0,075.

Публикации в сборниках статей

12. *Тушев А.Н.* Толстой и модернизм // Памяти Льва Толстого: сб. ст. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. С. 148-161.

13. *Тушев А.Н.* Кризисные состояния человека в изображении Л.Н. Толстого и Л.Н. Андреева // Материалы Международной научной конференции «Толстовские чтения-2015» и научно-фондовой конференции «Гороховские чтения-2015» в Государственном музее Л.Н. Толстого / Отв. ред. Л.В. Гладкова; сост. Л.Г. Гладких, Ю.В. Прокопчук. М.: Оригинал-макет, 2016. С. 126-135.

Подписано в печать 07.04.2021.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 1,86.
Тираж 100 экз. Заказ 33/4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

